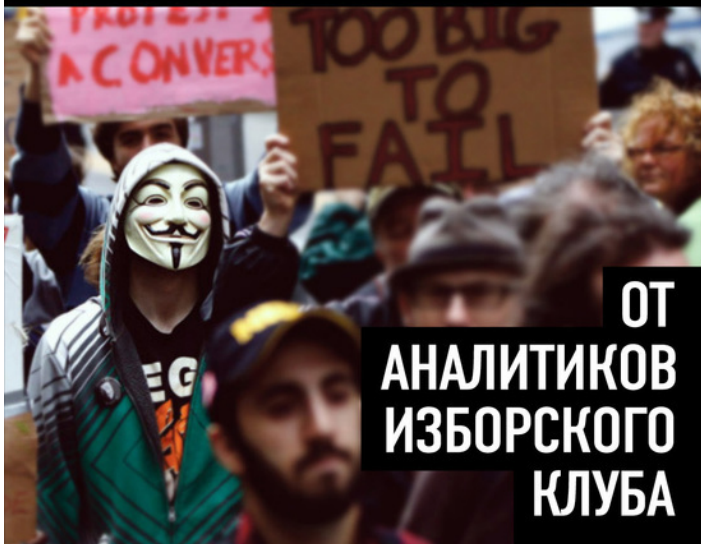

АНОНИМНАЯ

МЕЧ
ИМПЕРИИ

ВОЙНА

ОТ
АНАЛИТИКОВ
ИЗБОРСКОГО
КЛУБА

**Константин Анатольевич Черемных
Андрей Борисович Кобяков
Маринэ Варужановна Восканян
Анонимная война. От
аналитиков Изборского клуба
Серия «Меч империи»**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7324309

Анонимная война. От аналитиков Изборского клуба: Алгоритм; М.;

2014

ISBN 978-5-4438-0764-5

Аннотация

Феноменом последних лет стал резкий рост массовых протестных выступлений в разных странах мира. На смену череде «оранжевых революций» пришли «революции 2.0», отличительная черта которых – ключевая роль Интернета и социальных сетей. «Арабская весна», «Occupy Wall Street», «Болотная площадь», лондонские погромы, Турция, Бразилия, Украина... – всюду мы видим на улицах молодежь и средний класс, требующий перемен. Одна из точек зрения на эти события – рост самосознания и желание молодых и активных участвовать в выборе пути развития своих стран и «демократический протест»

против тирании и коррумпированных элит. При внимательном анализе политического, социального и культурного бэкграунда этих событий мы, тем не менее, видим иную картину. Авторы этой книги, известные аналитики Изборского клуба, доказывают, что эти события не происходят «сами по себе», они происходят с активнейшим участием внешнего субъекта.

Содержание

Часть I	6
Введение	6
1. Феноменология нового бунта	21
1.1. Общие характеристики	21
1.2. Мотивации и месседжи	25
1.3. Новые революционные движения и истеблишмент	27
1.4. Новые революционные движения и СМИ	29
2. Мировоззренческие источники и составные части	32
2.1. Анархизм	32
2.2. Пацифизм	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Константин Анатольевич
Черемных, Маринэ
Варужановна Восканян,
Андрей Борисович Кобяков
Анонимная война.
От аналитиков
Изборского клуба**

© АНО «Изборский клуб», 2014

© Восканян М., Кобяков А., Черемных К., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть I

Анонимная война¹

«Новый 1968 год»:

мировоззренческое содержание и механизмы революций 2.0

Введение

Феноменом последних лет стал резкий рост массовых протестных выступлений в разных странах мира. На смену череде «оранжевых революций» пришли «революции 2.0», отличительная черта которых – ключевая роль Интернета и социальных сетей. «Арабская весна», “Occupy Wall Street”, Болотная площадь, лондонские погромы, Турция, Бразилия, Украина... – всюду мы видим на улицах молодежь и средний класс, требующий перемен. Одна из точек зрения на эти события – рост самосознания и желание молодых и активных участвовать в выборе пути развития своих стран и «демократический протест» против тирании и коррумпированных элит. При внимательном анализе политического, социально-

¹ Авторы: Константин Черемных, Маринэ Восканян, Андрей Кобяков.

го и культурного бэкграунда этих событий мы, тем не менее, видим иную картину.

Авторы данного доклада выдвигают идею того, что эти события не происходят «сами по себе», они происходят с активнейшим участием *внешнего субъекта*. Его задачи не ограничиваются сменой элит или ослаблением конкретных стран в рамках геополитической и геоэкономической борьбы. Это задачи *смены цивилизационной парадигмы с помощью механизмов информационной войны*.

Исходя из этой основной гипотезы, которой придерживаются авторы настоящего доклада и обосновать которую призван нижеследующий анализ, данный субъект имеет сложную структуру, причем отдельные составные части этого субъекта имеют как совпадающие общие, так и специфические цели и задачи.

И в «цветных» революциях 1.0, и в «революциях социальных сетей» 2.0 легко различается заинтересованность и прямое участие государственных ведомств (прежде всего США). Кампании, позиционируемые как «ненасильственные» (несмотря на то, что в ряде стран они переходят в гражданские войны), и по выбору мишеней, и по своему результату вполне соответствуют определению *информационных боевых действий* (information warfare), фигурирующему в целом ряде доктринальных документов США – директиве DODD 3600 Департамента обороны США от 21.12.1992, директиве Command & Control Warfare (1996), Объединенной

доктрине информационных операций (1998), Стратегии национальной безопасности (2002), Национальной стратегии защиты критической инфраструктуры (2002), Национальной стратегии защиты киберпространства (2003), Национальной стратегии публичной дипломатии и стратегических коммуникаций (2007). Беспрецедентная утечка о программе PRISM Агентства национальной безопасности (АНБ) США, пролившая свет на постоянное партнерство ведомств и IT-корпораций, лишний раз указывает на заинтересованную сторону. То же можно сказать и об экономическом результате революций 2.0 – по меньшей мере по направлению бегства капитала из стран-мишеней.

Вместе с тем, немалую роль в инициировании революций 2.0 и методологическом управлении ими играют и ряд наднациональных парapolитических структур, интеллектуальных групп влияния, университетские центры и международные НКО, спонсируемые определенной группировкой олигархических фондов при прямом содействии статусных международных институтов. С другой стороны, есть и очевидные бенефициары «революций 2.0» в определенных сегментах транснационального бизнеса.

В целом, по мнению авторов доклада, этот субъект можно охарактеризовать как *«цивилизационное лобби», реализующее определенный глобальный проект.*

Отметим, что:

- 1) Протестные движения имеют сходство как во внешних

форматах, так и в идейных посылах.

2) Анализ этих идеологем выявляет их связь не только с актуальной политикой, но и с фундаментальными процессами смены цивилизационных ориентиров, начавшимися во второй половине XX века и касающимися вопросов моральных ценностей, культуры, религии и места человека в мире. Составные части мировоззренческого стереотипа протестных масс – анархизм, экологизм, пацифизм, защита гендерных меньшинств и примитивных культур, антиклерикализм, информационная прозрачность. Проповедуя эти рецепты полного освобождения от авторитетов (государственных, военных, религиозных), участники революций 2.0, хотя и считают себя освободителями народов, на практике реализуют программу узкого глобального круга экономических и культурных поработителей.

3) Ключевой механизм реализуемой мировой трансформации – Интернет и сетевые технологии. Интернет – и как инструмент, и как среда – формирует особый тип современного человека и влияет на его мировосприятие. Инфантильная идея переноса «сетевых правил игры» в реальную жизнь и политику – важнейшая часть новой протестной культуры.

4) «Двигатель перемен» – информационная сфера, где работают СМИ, НКО и разнообразные формы «горизонтальных» социальных связей. Часть из них напрямую связана с американскими или транснациональными курирующими институтами, часть возникает «снизу», но далее встраивает-

ся или используется профессиональными «игроками». Однако масса рядовых участников вовлечена в процесс бескорыстно и инициативно.

Исходя из этого, объектом исследования в данном докладе являются как сознательные акторы процесса (государственные структуры, наднациональные структуры, НКО), так и субстрат процесса (социальные группы, вовлеченные в эту активность с учетом их ценностей, жизненных и культурных ориентиров).

Это **первая** из главных особенностей доклада (своего рода научная новизна – если воспользоваться терминологией диссертационных научных советов): сопряженное, синтетическое рассмотрение содержания, методов, акторов современных информационных войн с глубокими изменениями, происходящими в социуме и в личности, в мировоззрении, в человеческой психике – в области мотиваций, восприятия, реакций, фобий, комплексов. Методы и технологии (компьютерные, сетевые, виртуальные) вызывают глубокие сдвиги в человеческой личности и в социуме. Эти трансформации учитываются акторами, которые постоянно совершенствуют средства и методы воздействия исходя из последовательного рефлексивного анализа их прямых результатов, косвенных последствий и степени эффективности; эти сдвиги в личности и социуме еще и сознательно программируются для целей манипулирования. Таким образом, субъекты и субстрат связывают постоянные связи взаимодействия, вза-

имной рефлексии, корректирующие воздействия.

Отсюда следует, что речь идет о высокотехнологичном современном управлении общественными процессами – не в лоб, не втупую, а с учетом сложных системных взаимодействий, прямых и обратных связей, нелинейного характера процессов.

Такой сопряженный подход к анализу исследуемого комплексного феномена, который авторы пытались реализовать в докладе, позволяет в практическом плане также поставить вопрос об адекватности ответов на актуальные вызовы, эффективности контрмер, их содержании, форме и степени технологичности. Во всяком случае, очевидно, что прямолинейные ответы, силовые решения, запретительный характер контрмер как минимум явно недостаточны, часто малоэффективны, а зачастую контрпродуктивны.

Далее. Как кибероперации, так и информационно-психологическая агрессия – лишь элемент непрерывно продолжающегося идеологического противоборства, в котором мишенями служат не только государства, но и цивилизации.

Речь идет о современном глобальном противоборстве. И две стороны этого противостояния не тождественны государствам (во всяком случае – не исчерпываются ими), и в то же время оно не сводится к борьбе сетей. Это скорее *борьба двух начал – двух разных видений человека, его роли в мире, его будущего*, в которой Русской цивилизации необходимо отстоять свои фундаментальные смыслы и ценности.

Это **второй** принципиальный пункт доклада, претендующий на раскрытие остающегося часто в тени важнейшего, на взгляд авторов, аспекта содержания современного этапа информационно-идеологических войн.

2 марта 2011 года госсекретарь США Хиллари Клинтон открыто заявила: «Мы ведем информационную войну». Признания такого рода позволяют уже не только выдвигать аргументированные гипотезы о новых срезях геополитического противостояния и новых форматах войны между странами, но и однозначно считать это доказанным фактом. Однако на наш взгляд неправомерно сужать сферу современной идеологической борьбы, сводя ее лишь к традиционному противоборству держав. Есть все основания говорить о еще более фундаментальном феномене, а именно – о войне цивилизационных моделей, предлагаемых человечеству. То есть настоящая борьба разворачивается в ценностно-смысловой плоскости в самой предельной постановке вопроса (критерии добра и зла, понимание роли человека в мире и образ будущего). Это борьба за навязывание обществу в глобальном масштабе «единственно верного» миропорядка.

То есть речь идет, по мнению авторов, о *цивилизационной атаке*.

Отметим некоторые особенности «революций 2.0».

Основной побудительный мотив массовых протестов на поверхности является социальным (в узком смысле, то есть социально-экономическим).

Однако среди важнейших составляющих:

1. Антиклерикальный пафос протестного движения, причем направленный против основных традиционных религий – основополагающих в отношении традиционных морально-нравственных стандартов человечества. (В то же время представители племенных меньшинств с языческими или колдовскими культами являлись желанными гостями протестных лагерей.)

2. Активная включенность гендерного (феминистского и связанного с секс-меньшинствами) движения в протестную массу сочетается с нападками на политиков и общественных деятелей, отстаивающих традиционную (основанную на заповедях авраамических религий) систему ценностей.

3. Культивирование и пафос во многом извращенной версии прав человека.

4. Войнствующий экологизм.

Отметим, что агрессии подвергаются не только страны-изгои и их общества и элиты, но и здоровые части обществ самих стран-агрессоров. Поэтому сопротивление навязываемой цивилизационной парадигме следует строить, на наш взгляд, не только в рамках национальных стратегий и тактик противодействия, но и в рамках активизации усилий в международном плане. Исходя из такого понимания идеологического противостояния, ответ, который следует искать, готовить и предъявлять, должен иметь не только мобилизующий национальный характер, но и всемирное значение, на-

правленность. Он должен быть рассчитан на широкий международный отклик, быть наступательным, программным, а не рефлексивным, предъявить всему миру позитивную альтернативу, собственную модель ценностей и образа будущего.

Понимание исторического смысла и значения этой борьбы предполагает не только комплекс мер «оборонительно-го» отстаивания суверенитета, но и создание конкурирующего – всеобъемлющего и универсального – «полюса смысла». Применительно к России это означает, что наша страна может и должна стать своего рода «маяком ценностей» для всех тех, кто выступает против навязываемого глобализационного миропорядка и желает отстоять свою цивилизационную независимость, для всех здоровых сил, отстаивающих веками и тысячелетиями проверенные базисные, традиционные основы существования социума и самого человека.

Третий принципиальный тезис доклада связан с историческими параллелями.

На наш взгляд, многое роднит происходящее (нынешний всплеск протестных движений) с событиями 1968–1969 годов:

- массовое вовлечение в протестную активность молодежи;
- отсутствие четких политически ориентированных идеологем (серьезных проработанных политических программ);
- протест против традиционной морали с культивирова-

нием антиэстетики, эпатажем;

- направленность на снятие сексуальных табу, растабуирование общества;

- экологизм, культ якобы девственной дикой природной среды, и противопоставление ее парадигме использования и преобразования природы для удовлетворения нужд человечества). Причем два последних пункта странным образом постоянно оказываются взаимосвязанными, и характер этой взаимосвязи очевидно имеет не случайный, а закономерный характер: где появляются защитники леса, протестующие против его вырубки, – там жди представителей секс-меньшинств; и наоборот;

- «удивительное совпадение»: тогда с переломными событиями 1968–1969 годов «совпала» активная деятельность Римского клуба и его производных, продвигавших идеи ресурсных пределов развития. Джон Холдрен в 1969 году в совместной статье с Полом Эрлихом заявил о необходимости *«немедленных мер контроля народонаселения»*, сегодня – климатическое лобби, «Гринпис» и проч. и проч., продвигающие идеи отказа от развития на основе малодоказуемых предпологов, связанных с климатическими изменениями, и мушкетирования темы загрязнения среды. И в том, и в другом случае навязывается комплекс вины человечеству как виду, и в том, и в другом случае обосновываются радикальные барьеры парадигмы развития – по сути неомальтузианские.

Учитывая эти параллели между нынешними событиями и

событиями конца 60-х годов, можно смело утверждать, что последствия по своим масштабам могут быть сопоставимыми.

Тогда наивно-романтический спонтанный порыв и энергия молодежных бунтов были канализированы в построение потребительского общества, что в результате полностью изменило политическую повестку дня, а также идеологический и интеллектуальный ландшафт.

Но следует иметь в виду, что тогда этот слом происходил на фоне господства пусть и во многом подвергшегося эрозии, но все же еще цельного традиционно-консервативного мировоззрения большинства, господства нормальных ценностей и ориентиров развития, форм общежития, систем образования и культуры.

Однако прошедшие четыре десятилетия и смена поколений не прошли бесследно – общество уже в значительной степени изменено.

Четвертый принципиальный тезис нашего доклада – смена линии фронта в информационных и идеологических войнах.

В XX веке было модно противопоставлять концепты прогрессизма и традиционализма. Основания для этого противопоставления были – и значительные. В России это вылилось в «горячую» Гражданскую войну – общенациональную трагедию во всех смыслах. Это дает о себе знать и поныне – уже в качестве «холодной» гражданской войны, противосто-

нения «красного» и «белого».

Сейчас, в начале XXI века, в рамках революций 2.0 вызов брошен и остаткам традиционализма (составляющим основу цивилизации, как мы ее знаем), и прогрессизму – ОДНО-ВРЕМЕННО.

В радикальной форме проповедуется отказ как от ценностей и норм, являющихся скрепами цивилизации и основой самой человеческой личности, так и от идей развития и прогресса.

Троянский конь продвигаемой концепции креативности и ее носителя – креативного класса (с его девиантными нормами, индивидуализмом и личностным эгоизмом, воинственным самопротивопоставлением традиционным ценностям, агрессивным противопоставлением себя большинству, культом успеха, а не истинных достижений) в действительности противостоит концепции созидания, остававшейся господствующей до сих пор, несмотря на тектонические пертурбации и социальные перевороты последних столетий.

А в социально-политическом и социально-экономическом плане постмодернистская, постиндустриальная идеология ведет к построению нового кастового общества – причем непосредственно в глобальном масштабе.

Поиск адекватных и активных ответов на данный девиационно-деградационный сценарий становится судьбоносной задачей.

Революции 2.0 вспыхивают все в новых и новых точках. В

то же время с повестки дня не снимается, а лишь усугубляется фундаментальный кризис современной финансово-экономической парадигмы, который означает подрыв нынешней системы глобального господства, построенного на монополизации мирового долларового печатного станка и экспоненциального наращивания ничем не обеспеченной денежной массы и финансовых суррогатов для затыкания все углубляющихся долговых дыр. Банкротство этой системы неумолимо приближается. Поэтому есть все основания ожидать продолжения прежней практики в геополитике: произвольного провозглашения стран – непокорными (rogue), правительств – нелегитимными, политиков – тиранами, которые «должны уйти». Можно ожидать продолжения практики как информационно-технологических операций (кибервойны), так и информационно-психологических атак, и гражданских войн в случае «злостного неповиновения» – поскольку эта практика не встречает должного противодействия.

Что же мешает как правящим классам, так и населению государств, вовлекаемых в водоворот глобализационного передела, в игру без выигрыша, осознать тот факт, что навязываемая «единственно верная» мировая парадигма не несет миру ничего, кроме бедствий?

Мы усматриваем в этом парадоксе три причины. Во-первых, как кибероперации, так и информационно-психологическая агрессия (от единичных вбросов до массированных кампаний) – лишь элемент непрерывно продолжающегося

идеологического противоборства, в котором мишенями служат не только государства, но и цивилизации. Это доказывается направленностью как перманентной пропаганды, так и атак (ударов): объектами «обработки» становятся политический класс, духовенство, научное сообщество, юстиция, пресса, профессиональные, социальные и этнические группы. Доминирование вышеназванных «единственно верных» формул создает эффект «критической массы лжи в пространстве», нарушающий способность отличать «свое» от «чужого». Во-вторых, так называемые общечеловеческие догмы лишь частично распознаются как вторжение в собственный мир (например, насаждение гендерных прав в православных и мусульманских странах), в то время как другие элементы той же догматики встречают позитивный отклик, поскольку созвучны ценностным установкам (свобода самовыражения, равенство, здоровье, комфорт). В-третьих, повсеместное распространение информационных технологий (интернетизация и «сетевизация»), особенно в «экономиках услуг», меняет не только потребительские стереотипы, но и само формирование и развитие человека.

Исходя из принципа «предупрежден – следовательно, вооружен», мы считаем необходимым: а) заполнить пробелы осмысления тех эпизодов истории XX века, когда постиндустриальная парадигма была внесена в мировую повестку дня, б) рассмотреть особенности и уязвимые места «общества сетевой культуры 2.0», в) внести важные дополнения в

понимание субъекта и инструментария современного идеологического противоборства. Эта постановка задач соответствует подходу Изборского клуба (доклад «По ту сторону “красных” и “белых”»): описав борьбу двух идей в России, мы переходим к характеристике той системы взглядов, которым обе идеи противопоставлены; сделав вывод о необходимости единой концепции войны, мы переходим к детализации современного глобального противоборства – поскольку лишь получив представление о нем, мы сможем выстроить стратегию самозащиты и найти союзников в противостоянии врагу.

1. Феноменология нового бунта

1.1. Общие характеристики

«Эпидемия» протестных движений, начавшаяся в январе 2011 года так называемой «арабской весной», имела существенные отличия от цепи «цветных революций» 1999–2005 годов. Во-первых, возгорание массового бунта не было обязательно приурочено к выборам; во-вторых, символика была не индивидуальной, а единой; в-третьих, вожди «революции социальных сетей» не сменили свергнутых «тиранов», а стали «калифами на час». Еще одним отличием «эпидемии революций» стало распространение массовых протестов не только в другие регионы третьего мира, но и в страны Запада. Это усиливало впечатление в мировом, особенно молодежном общественном мнении, что новый бренд революций – это спонтанное, «анонимное» выражение протеста, а не продукт единого внешнего замысла.

По масштабу, политическим и экономическим последствиям протестные кампании неравнозначны. В тех странах Ближнего Востока, где рухнули прежние режимы и воцарилась либо старая оппозиция, либо вооруженные группировки и племена, новая власть неустойчива, прибыльные отрасли потеряли инвестиции, резко снизились доходы государств

и вместе с ними – ранее планировавшиеся проекты развития, а «долговая петля» усугубила внешнюю политическую и экономическую зависимость. Бунты в Афинах, Лондоне, Дублине, затем серия массовых кампаний под логотипами *Occupy* (США, Великобритания, Ирландия, Израиль, Турция) или *Indignados* (Испания, Мексика) играют роль эффективного катализатора или модулятора легального политического процесса: на одних политиков оказывается давление, другие получают «фору». Наконец, те же социальные сети, через которые распространялись вышеназванные протесты, создают в странах ЕС «новорожденные» легальные партии, переписывающие политическую карту этих стран. В Италии эффект «палки в колесах», произведенный новоиспеченным движением «Пять звезд» комика Беппе Грильо, сопоставим по политическим и экономическим эффектам с кризисом 1992 года.

В то же время, при всей неоднородности масштаба и эффекта, все вышеназванные протестные движения имеют общие признаки:

- а) преобладание безработной молодежи и фрустрированного кризисом среднего класса в протестной массе,
- б) беспрецедентно быстрое распространение,
- в) использование организаторами социальных сетей, г) отсутствие иерархии («революция без вождей»),
- д) вовлечение интеллектуалов-гуманитариев, иногда в качестве «знаменосцев» (Алаа аль-Асвани в Египте, Майкл

Мур и Наоми Кляйн в США и др.),

е) интернационализация революционных брендов.

Мобилизующие стимулы массовой активности также универсальны; в медиасреде воспроизводятся сходные мифологемы, рассчитанные на трансляцию простых эмоций:

а) социальной зависти – версии о несметных богатствах лидера-мишени, его семьи, окружения и (или) правящей политической структуры;

б) отвращения – о поведении лидера-мишени, несовместимом с декларируемыми убеждениями и бытовой моралью;

в) презрения – о недостойной личной зависимости от родственников, спонсоров, о позорном бегстве с награбленным, о постыдной болезни;

г) этнорелигиозного гнева – о скрываемом происхождении лидера-мишени, о его зависимости от исторически и культурно враждебной общности или государства;

д) ненависти к опорным институтам режима («машине репрессий»).

Общие признаки имеет и семантическая (знаковая) сторона протестных действий:

а) сквозные символы, внушающие противнику угрозу неопределенностью (анонимностью) наступающей стороны и непредсказуемостью ее действий: маска Гая Фокса, знак вопроса вместо лица);

б) сквозной образ раскрепощения ранее длительно подав-

ленных побуждений (гражданских, экспрессивно-личностных, сексуальных) – распускающийся цветок, вьющаяся лента (strip), мажорные цвета и образы, ассоциируемые с весной, расцветом;

в) статические и динамические эпатажные образы вызывающего и оскорбительного характера, выражающие презрение и отказ от подчинения;

г) образная семантика, «славящая» инструменты возбуждения, радикализации и массовой активности – слово EGYPT, составленное из логотипов IT-компаний;

д) сквозная сигнальная семантика – наименование движений по датировке первого успешного выступления (с созданием ореола мучеников вокруг пострадавших), названия акций и ритм их чередования.

Главы государств и правительств, ставшие объектом нового бунта, угадывают в его организации роль спецслужб мировых держав. Действительно, связи организаторов с внешними или наднациональными центрами влияния повсеместны, и это еще одна общая черта описываемых событий. Однако предпринимаемые в ответ административные меры чаще дают незначительный и временный эффект, поскольку новый бунт – нечто большее, чем просто цепь подрывных операций. Ставки «революции 2.0» выше, чем в обычной конкуренции держав и ведомств; они бросают вызов не лицам и структурам, а ценностям и смыслам, составляющим фундаменты цивилизаций. И следовательно, адекватный ответ на

него может быть только системным, смыслозащитным и смыслостроительным.

1.2. Мотивации и месседжи

Основной побудительный мотив массовых протестов, часто переходящих в акции саботажа (остановка предприятий, перекрытие объектов транспорта) и уничтожение частного и государственного имущества, на поверхности является социальным: масса заряжена ощущением несправедливости, которую, по ее ощущению, творят власть имущие (государство и «приближенный к нему» бизнес).

При этом протест против несправедливости в движениях, организуемых через социальные сети, сочетается с отрицанием любой иерархии: «принуждению сверху» противопоставляется *сетевая структура* с самоуправлением, самообеспечением, коллективным гласным принятием решений без персонифицированной ответственности.

Антиклерикальный пафос протестного движения лишь частично связан с социальным мотивом: мишенями акций могли быть не только уличенные в аморальности иерархи, но и любое духовенство, почитающее заповеди и лояльное власти (следовательно, «косное»). В то же время представители племенных меньшинств с языческими или колдовскими культами были желанными гостями протестных лагерей.

Активная включенность гендерного (феминистского и

ЛГБТ) движения в протестную массу сочетается с нападками на политиков и публицистов, отстаивающих традиционную (основанную на заповедях авраамических религий) систему ценностей.

Мотив защиты окружающей среды присутствует даже в тех случаях, когда проекты, инициированные «режимом», служат созданию социальных благ (рабочие места, транспорт, обеспечение электроэнергией). Экологическая по риторике и антииндустриальная по существу протестная мотивация служит триггером саботажа инфраструктурных проектов в столь разных странах, как Великобритания (проект Второго транспортного коридора), Канада и США (нефтепровод Keystone XL), Италия (железная дорога Лион – Турин), Израиль (железная дорога Иерусалим – Эйлат, дублер Суэцкого канала), Мьянма (Бирмано-Китайский нефтепровод), Индия (Куданкуламская АЭС). Экологические лозунги часто сочетаются с защитой прав этносов и субкультур, традиционный быт которых «уничтожается» промышленным освоением территорий. Противопоставление локальных предрассудков общественным интересам подается как в левой (самоуправленческой), так и в правой (мелкособственнической) идеологической упаковке.

Повсеместная претензия протестной массы к правительствам – ограничение доступа к информации или ее сокрытие (цензура).

1.3. Новые революционные движения и истеблишмент

Взаимоотношения протестных движений с элитами проявляется как в целях, декларируемых демонстрантами, так и в их связях с политическими структурами. В одних странах Ближнего Востока «революционные аппетиты» ограничивались смещением правительств (Иордания, Марокко), в других свержение правителя сопровождалось демонтажом правящей партии и остракизмом (поношением) связанных с ней бизнес-элит, в третьих случаях преследовалась цель полного слома политико-экономической модели, с опорой на этнорегиональные и племенные субструктуры (Ливия, Сирия). К третьему варианту близки чаяния оппозиционных групп в среднеазиатских странах бывшего СССР с авторитарным правлением.

В странах Запада потенциал протестной массы усиливается неформальными связями с частью истеблишмента и вовлечением общественных структур и ассоциаций. Аналогичные связи мобилизуются новой оппозицией в Восточной Европе и реформированных по европейской модели странах бывшего СССР.

Общим предметом нападок становятся правоохранители – как отдельные службы (внутренняя разведка МВД в Египте) и как сословие в целом. В ответ силовые структуры в ря-

де стран мобилизуются, привлекая консервативные партии и СМИ и апеллируя к опыту умирительных операций. Протестное движение, в свою очередь, перетягивает к себе силовиков, особенно пострадавших в ходе таких операций («Революционные офицеры» в Египте, «Ветераны за *Оссиру*» в США, «Шоврим штика» в Израиле).

Вовлечение элит и контр-элит в информационно-психологическое противостояние создает внешнее впечатление «бесконтрольности» процесса: возникновение бренда *Оссиру* в США и реальные полицейские меры, предпринимаемые против демонстрантов, воспринимаются не как политический театр, а как «всамделишный» революционный процесс, соблазняющий новые массы символикой и месседжами. Предположение о том, что в ведущих странах Запада возможна «внутренняя война», кажется нелепостью значительной части экспертного сообщества. Однако феномен «внутренней войны» не противоречит целеполаганию манипуляций глобального масштаба. Об этом свидетельствует следующее описание информационной войны, данное полковником Ричардом Шафранским (RAND Corp.): «Информационная война может быть частью сетевой войны (“кибервойны”), или выступать в качестве самостоятельной формы ведения военных действий, а в качестве “противника” рассматривается любой объект, чьи действия противоречат достижению поставленных целей. За пределами своего государства это может быть “образ врага” или “не мы”,

а внутри – любой, кто противостоит или недостаточно поддерживает руководство (“лидера”), которое управляет средствами информационной войны. Если члены группы не поддерживают цели “лидера” в ходе противоборства (warfare), внутренняя информационная война (включающая пропаганду, ложь, террористические акты и слухи) может быть использована для их принуждения быть более лояльными по отношению к “лидеру” и его целям».

1.4. Новые революционные движения и СМИ

Освещение протестных движений в мировых СМИ также имеет определенные закономерности:

1) Формирование «лобби революций». Моральная поддержка массовых протестных движений в странах третьего мира в контексте критики «авторитарных режимов», наряду с сочувственным освещением массовых протестов и оправданием их разрушительных эксцессов обеспечивается а) мейнстримными изданиями со сложившейся леволиберальной репутацией (CNN в США, *Guardian* в Великобритании, *La Repubblica* в Италии, *Haaretz* в Израиле), б) новыми «прогрессивными» СМИ арабских стран – «Аль-Джазира» (Катар), «Аль-Масри аль-Юм» (Египет), а также СМИ, отстаивающими светский характер государства, – *Hurriyet* (Турция). Вместе с тем отдельная группа мейнстримных из-

даний (*The Economist*, *Time*, *Huffington Post*) становятся трибуной для полемистов и экспертов, оценивающих революции 2.0 как позитивный, «продемократический» процесс. Аналогичные пулы возникают в странах «перспективной трансформации» (включая Россию, Украину, Белоруссию, Казахстан) вокруг контрэлитных групп, вовлекая порталы и блоги культурной, экологической, гендерной, антикоррупционной направленности.

2) Зависимость от транснациональных фондов, квазигосударственных интеллектуальных центров, НПО и квази-НПО. Позиция ряда мейнстримных печатных и сетевых СМИ выражает установки института, с которым существуют давние отношения партнерства: *Foreign Affairs* и *New York Times* – с Советом по международным отношениям (CFR), *Journal of Democracy* – с *National Endowment for Democracy*, веб-издания Центра за американский прогресс (*ThinkProgress*, *ClimateProgress*) – с *Open Society Foundations*.

3) Остракизм «охранителей». Консервативные, праволиберальные и праволибертарианские издания, не одобряющие протестные инициативы и их месседжи, становятся объектом порицания (как «пособников режима»), высмеивания или пародирования.

4) Участие журналистов в протестном движении при попустительстве издателей, вопреки международному праву и профессиональным хартиям. Журналист-жертва идолизируется (в случае смерти) или получает мощный карьерный

лифт.

5) «Сетевой шлейф». Размножение блогов, транслирующих месседжи и бренды протестных движений и одновременно пропагандирующих социальные сети и средства передачи текстовой и зрительной информации вместе с брендами их производителей.

6) Новый феномен, наблюдаемый с осени 2011 года, – беспрецедентные конфликты в мейнстримном медиасообществе, вовлекающие часть политической элиты в кампании травли «недостаточно лояльных» бизнес-групп (дело Мердока).

7) Еще один новый феномен – участие мейнстримных СМИ в системных (не частных) разоблачениях военно-политических и разведывательных ведомств в контексте противостояния глобальных групп финансового влияния и представляющих их интересы парapolитических структур.

2. Мировоззренческие источники и составные части

2.1. Анархизм

Термин «анархизм» звучит в современной риторике массовых протестов как позитивный ярлык, а ряд дружественных веб-ресурсов (в частности, IRevolution), считают должным просвещение адептов в области истории этого направления.

Предметом спора К. Маркса и М.А. Бакунина была идентификация революционного класса: в отличие от Маркса, теоретик русского анархизма видел полезное активное начало не в наемных рабочих крупной индустрии (пролетариате), а в босях (люмпен-пролетариате, сословии вне закона).

Кредо состоит в отрицании любой иерархии, принуждения как такового, имущественных прав, семейных ценностей (апологетика свободной любви без ответственности перед потомством). Общественный идеал связан с демонтажом как любых институтов, так и достижений науки, культуры, богословия, и сводится к первобытнообщинным формам коллективной жизни в заведомо благоприятных природных или «тепличных» условиях.

Новейший анархизм воспроизводит тезисы идеологов прежних поколений в экстремальной форме. Так, российский портал OpenSpace.ru излагал императив абсолютной культурной революции в форме, предложенной супрематизмом Казимиром Малевичем: он призывал советское правительство не защищать коллекции старого искусства, ибо их разрушение «откроет путь настоящему, живому искусству»: «Сжегши мертвеца, получаем один грамм порошку, следовательно, на одной аптечной полке могут поместиться тысячи кладбищ».

Практическое следование таким заветам можно было наблюдать при разграблении национальных музеев в Ираке, Киргизии, Ливии, Египте, Мали, осквернении святынь в Ливии и Сирии. В странах Запада и бывшего СССР флешмобы, перформансы, художественные инсталляции новейших анархистов по форме являются эпатажными (провокационными), по содержанию – смыслоразрушающими акциями: это не просто «пощечины общественному вкусу», а целенаправленный выбор сакральных объектов и способов их речевого и образного осквернения. *Таким образом, достижение идеала осуществляется как через физическое разрушение, так и через использование художественных форм для деструкции религиозных смыслов (десакрализации).*

Еще один элемент, обычно эвфемистически обозначаемый как «антипрогибиционизм»², в протестной практике

² Отрицание целесообразности запретов, существующих в законодательстве,

сводится к свободе употребления наркотиков. Анархическая по форме и культурному сопровождению революция 1968 года «захватывала улицу» уже после распространения синтетической культуры New Age с «плацдарма» в Калифорнии и с «экспериментальными площадками» в Мексике.

Средства отрешения от действительности, позаимствованные у первобытных народов, преподносятся как катализатор свободного творчества, но в массовом применении служат не для активизации творческого воображения, а для релаксирующей эйфории с обильными фантазиями, создающими трехмерный параллельный мир. Грибной дурман уместно рассматривать в качестве прообраза виртуальных игровых пространств.

2.2. Пацифизм

Символ «пасифик», обычно ассоциируемый с наркокультурой, был логотипом Кампании за ядерное разоружение (Campaign for Nuclear Disarmament), лондонской организации – предшественника американских «новых левых».

История «новых левых» уместается в период 1956– 68 годов (подавление мятежей в Венгрии и ЧССР советскими войсками; военные кампании США в Корее и Вьетнаме). Центральная площадка в США – Калифорнийский универ-

религии или общественной морали, особенно в отношении употребления наркотиков.

ситет (Беркли), где преподает выходец из Франкфуртской школы Герберт Маркузе (в 1943–45 гг. сотрудник Управления стратегических служб, в 1945–1951 гг. – руководитель Европейского офиса Госдепа США).

1956 год – также дата старта Пагуошского движения, которое, по оценке главного редактора *Peace Magazine* Метты Спенсер, сыграло ключевую роль в распаде СССР. Его возникновение – итог создания Конгресса за культурную свободу в противовес советскому Комитету защиты мира (1950) и Кампании за ядерное разоружение (1954). Все эти инициативы связаны с именем графа Бертрана Рассела, поныне пользующегося в отечественной литературе репутацией гуманиста, хотя он в конце 1940-х (до ядерного паритета) предлагал нанести по СССР ядерный удар.

История движения, которое соучредитель Конгресса за культурную свободу Джон Дьюи называл «гуманизмом», а Бертран Рассел – «рационализмом», включает выход в свет двух культовых философских трудов: «Авторитарная личность» Т. Адорно и Э. Брунsvик и «Происхождение тоталитаризма» Ханны Арендт. Их ключевой месседж – отрицание авторитаризма независимо от идей, лежащих в его основе, в том числе проведение параллели Сталин – Гитлер, входящей в современную аксиоматику международного правозащитного движения.

Суть найденного Расселом подхода к советскому руководству и лично к Н.С. Хрущеву (то есть суть идеологической

конвергенции, положенной в основу «просачивания в доверие») – *подмена понятий*: атеистический антиавторитаризм, выданный за гуманистический императив мирного сосуществования общественных систем. Суть приручения Франкфуртской школы Госдепом США – другая *подмена понятий*: замена противопоставления монархии и республики в канун Первой мировой войны противопоставлением авторитаризма и демократии в середине XX века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.